

К.В. Кичигин

О некоторых особенностях описания прилагательных в грамматике языка кечуа Доминго де Санто Томаса

Аннотация: В статье анализируется описание семантического класса прилагательных, представленное в грамматике языка кечуа Доминго де Санто Томаса. Концепция миссионера сравнивается с пиренейской грамматической традицией первой половины XVI века, с одной стороны, и с некоторыми современными лингвистическими теориями на предмет адекватности и актуальности данного в грамматике кечуа миссионера-доминиканца описания, с другой. Устанавливается факт ориентации в общем случае со стороны Санто Томаса на латинский канон. Также обнаруживаются расхождения с традицией и сближение в некоторых аспектах с современными лингвистическими теориями.

Ключевые слова: Доминго де Санто Томас, кечуа, прилагательные, миссионерская лингвистика

Abstract: These article analyses the description of the semantic class of adjectives presented in the first grammar of quechua by Domingo de Santo Tomás. On the one hand, Santo Tomás's representation is compared with the Iberian grammar tradition of the first half of the XVI century and with some contemporary linguistic theories in relation of its adequacy, on the other. It is demonstrated that Santo Tomás bases the major part of his description on the latin tradition. Nonetheless, the analysis reveals also some discrepancy with the tradition and convergence in some points with modern theories.

Key words: Domingo de Santo Tomás, quechua, missionary linguistics

Как неоднократно отмечалось в литературе, посвященной миссионерской лингвистике вообще и работам Доминго де Санто Томаса (автора первого грамматического описания языка кечуа) в частности, работы миссионеров отличаются прикладным характером, т. е. теоретические положения, выработанные в традиции описания латыни и греческого, изложены в том объе-

ме, который считался авторами достаточным для овладения языком его читателями. Так, эксплицитно описывались только частные теоретические вопросы (например, количественный и качественный состав грамматических категорий того или иного класса слов), а более общие теоретические вопросы (состав класса слов и критерии демаркации его членов) оставались неосвещенными. Ввиду этого при описании той или иной миссионерской работы, в нашем случае – грамматики языка кечуа Санто Томаса, необходимо обращаться к анализу традиции грамматического описания, которая сложилась к моменту написания автором его работы (1560). Подобная процедура позволит, с одной стороны, понять логику изложения автором материала, а с другой, обнаружить те элементы и те идеи, которые отличают его работу от традиционного языкового описания.

В качестве объекта исследования нами был выбран представленный в грамматике языка кечуа Доминго де Санто Томаса семантический класс прилагательных. Интерес к данному классу нам кажется небезосновательным. На протяжении всего существования теории о языке одним из наиболее проблемных мест являлась и является именно проблема вычленения прилагательных как самостоятельного класса. Так, если универсальный статус имен и глаголов на данный момент принимается большинством ученых, то вопрос о существовании прилагательных остается до сих пор не до конца решенным¹. Подобная ситуация наблюдается и в работах о языке, созданных в европейской традиции в том числе в исторической ретроспективе.

Для понимания того, как данная категория представлена в грамматике Санто Томаса, мы представим краткое описание европейской лингвистической традиции от грамматики Дионисия Фракийского, чей труд считается одним из первых языковых описаний, до грамматик Антонио де Небрихи, чьи работы стали точкой опоры для многих миссионеров, в том числе и для Санто Томаса. Подобное описание позволит представить ту теоретическую базу, на которую опирался доминиканец Санто Томас. Затем будет представлен краткий анализ описания прилагательных в грамматике Томаса на предмет соответствия / несоответствия традиции. Наконец, описание Томаса будет сопоставлено с современными лингвистическими теориями (в частности, о существовании / отсутствии прилагательных как отдельного класса в языках мира, в том числе и в кечуа) на предмет адекватности и актуальности описания миссионера.

1. ОПИСАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (ОТ АНТИЧНОСТИ ДО XVI ВЕКА)

В грамматике Дионисия Фракийского «*Techné grammatiké*» имена подразделялись на так называемые «виды» (εἶδη). Данная классификация подразумевала выделение морфологических (существительные, прилагательные, местоимения, междометия), лексико-семантических (синонимы, антонимы, абстрактные, собирательные имена) и словообразовательных (отыменные прилагательные) классов. Основной критерий подобного деления был семантический (вы-

¹ См.: Simone R. & Masini F. (eds.) 2014. *Word Classes: Nature, typology and representations*. John Benjamins, pp. vii+293.

деление особого значения), функциональный (роль имени в той или иной ситуации по отношению к другим именам и общему контексту) и морфосемантический (выражение особого значения у конкретной морфологической формы):

«Υποπέπτωκε δέ τφ ὀνόματι ταῦτα, ὃ καί αὐτά εἶδη προσαγορεύεται· κύριον, προσηγορικόν, ἐπίθετον, πρὸς τι δχον, ὡς πρὸς τι ἔχον, ὀμώνυμον, συνώνυμον, φερώ- νυμον, διώνυμον, ἐπώνυμον, ἔθνικόν, ἐρωτηματικόν, ἀόριστον, ἀναφορικόν Ὁ καί ὁμοιωματικόν καί δεικτικόν καί ἀνταποδοτικόν καλεῖται, περιληπτικόν, ἐπιμεριζόμενον, περιεκτικόν, πεπονημένον, γενικόν, ἰδικόν, τακτικόν, ἀριθμητικόν, ἀπολελυμένον, μετουσιαστικόν»¹.

Прилагательные в такой классификации были выделены как подкласс имени на основе семантико-синтаксического критерия (особое значение и определенная позиция) и сами в свою очередь подразделены на подклассы по значению:

«Ἐπίθετον δέ ἐστὶ τό ἐπί κυρίων ἢ προσηγορικών τιθέμενον καί δηλοῦν (show) ἐπαινον ἢ ψόγον. λαμβάνεται δέ τριχῶς, ἀπό ψυχῆς, ἀπό σώματος, ἀπό τῶν ἐκτός· ἀπό μὲν ψυχῆς ὡς (σώφρων ἀκόλαστος), ἀπό δέ σώματος ὡς (ταχύς βραδύς), ἀπό δέ τῶν ἐκτός ὡς (πλούσιος πένης)»².

Кроме того, имплицитно автором выделялся и подкласс относительных прилагательных (причастных) по семантическому критерию: в противоположность «абсолютным» именам подобный класс имеет не собственное значение, а выражает некое отношение к другому имени со своим собственным значением:

«Μετουσιαστικόν δέ ἐστὶ τό μετέχον οὐσίας τινός, οἷον (πύρινος δρύινος ἐλάφινος)»³.

В последующих грамматиках наблюдается тенденция к постепенному выделению прилагательных как особого подкласса. Так, подобное явление можно найти уже в грамматике Присциана «*Institutiones Grammaticae*». Новым у него является то, что прилагательные рассматриваются не только как один из членов гетерогенного видового класса имен (элементы которого выделялись по разнообразным, не связанным, признакам), но и в качестве основного члена (наравне с субстантивами) класса имен нарицательных:

«...adiectiva autem ideo uocantur, quod aliis appellatiuis, quae substantiam signi f- cant, uel etiam propriis adici solent ad manifestandam eorum qualitatem uel quantitatem, quae augeri uel minui sine substantiae consumptione possunt, ut bonum animal, magnus homo, sapiens grammaticus, magnus Homerus...»⁴

Из данного определения следует, что Присциан при описании прилагательных использует дополнительные критерии. Так, помимо семантико-функционального (служить для обозначения качества / количества) и синтаксического (использоваться в приименной позиции) критериев, которые уже

¹ Цит. по: Dionisio Tracio, *Techné Grammatiké. Ars Grammatica. Gramática, Comentarios antiguos* / Dionisio Tracio; introd., notas y tr. por Vicente Bécades Botas. Edición trilingüe de Vicente Bécades Botas, Verbum, Zamora, 1993, p. 58.

² Ibid. P. 59.

³ Ibid. P. 64.

⁴ Цит. по: Keil H. *Grammatici Latini*, 8 vol.: vol. 2: *Prisciani grammatici caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVIII ex recensione Martini Hertzii*, vol. I libros I–XII continens, Leipzig 1855, p. 59.

были использованы Дионисием, византийский грамматист добавляет морфологический и формально-дистрибутивный: возможность прилагательных употребляться как с именами нарицательными, так и с собственными, а также выступать в сравнительных степенях.

Идея Присциана о том, что прилагательное может являться одним из основных членов класса имен, была продолжена в трудах модистов¹ в Средние века: имена ими делились по способам обозначения (*modus significandi*) на *nomina substantiva*, обладающие модусом самостоятельности (*modus per se stantis*), и *nomina adiectiva*, обладающие модусом примыкания (*modus adiacentis*)², а также по наличию / отсутствию «собственного» рода: прилагательные в отличие от существительных не имели рода, а могли только указывать на него³. Кроме того, модистами вырабатывается такое понятие, как согласованность (*congruitas*) конструкции, одна из разновидностей которой (*similitudo*) включала в себя сочетание прилагательных и существительных и определялась через тождество модусов обозначения (согласование по грамматическим признакам). При этом прилагательное рассматривалось в качестве зависимого элемента конструкции⁴.

Иными словами, помимо нового семантического критерия (более высокое место в иерархии класса имен) прилагательно стало описываться и через новый синтаксический критерий (зависимость от вершины).

Идеи модистов нашли свое отражение и в практических ренессансных грамматиках. Так, например, у Гварино Веронезе и Никколо Перотти деление имен стало описываться непосредственно после определения данного класса, что можно считать одним из очередных важных шагов на пути к формированию новой (более совершенной) традиции описания имен:

«Man könnte in dieser neuen Praxis einen ersten, allerdings eher zaghafte Versuch sehen, das tradierte Darstellungparadigma dort, wo Wesentliches in einer Fülle konkurrierender Daten unterzugehen droht – das Adjektiv gehört bei Priscian und in den mittelalterlichen Grammatiken zu den zwanzig oder mehr Subklassen der species – zu verlassen»⁵.

Кроме того, ввиду практической и дидактической направленности грамматик латинского языка Средних веков и Возрождения прилагательные стали выделяться и по формально-синтаксическому признаку: употребление с тремя указательными местоимения (которые авторами трактовались как артикли⁶) *hic*, *haec*, *hoc* и наличие трех различных конечных элементов (в отличие

¹ В полном и оформленном виде взгляды модистов на устройство языка отразились в работе Томаса Эрфуртского «*Tractatus de modis significandi seu Grammatica speculativa*».

² История лингвистических учений. Позднее Средневековье / Отв. ред. А.В. Десницкая. СПб., 1991, С. 40.

³ Dixon R.M.W. & Alexandra Y. Aikhenvald (eds.), *Word: a cross-linguistic typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, p. 12.

⁴ История лингвистических учений. Позднее Средневековье. С. 48.

⁵ Цит. по: Baldischwieler T. Antonio de Nebrija, las introducciones latinas contrapuesto el romance al latin (1486) 2004 Düsseldorf, Univ., Diss., 2004 Nicht für den Austausch Thesis, p. 73.

⁶ Введение артикля в парадигму имен уже встречается в средневековых школьных грамматиках латинского языка, однако окончательное включение артикля в акциденции имени сформировалось в работах Гварино Веронезе.

от существительных)¹. Так, например, подобное уже встречается в грамматике Небрихи ILC²:

«...adjectivum est quod declinatur per tres articulos, vel per tres diversas terminationes, ut hic, haec, hoc foelix, bonus, na, nam»³.

Сохраняется и представление о согласовании прилагательного в именной конструкции:

«Adjectivum et Substantivum in tribus conveniunt: in genere, numero et casu, ut Vir bonus»⁴.

В грамматике Небрихи «Introductiones latinae» делается еще один шаг к выделению прилагательных в особый подкласс имен. Так, помимо того, что он следует в описании имен за ренессансными авторами (подразделение имен на существительные и прилагательные дается сразу после определения и отдельно от деления имен на другие подклассы, такие как собственные, нарицательные и видовые), Небриха изменяет статус и понятийное содержание самой категории вида: с измененным названием она (*species* им названо *differentiae*) выносится из списка акциденций и описывается отдельно. Иными словами, прилагательное и категория, к которой в античной грамматике оно относилось, приобретают более самостоятельный статус в иерархии подклассов имен⁵.

Еще одной особенностью в описании прилагательного являлось то, что, согласно Небрихе, оно могло в латинском языке (хоть и в метатекстах) встречаться самостоятельно (*foelix, bonus*), в испанском же языке необходимо было опорное слово «cosa» или артикль:

«Adjetivo es el que se declina por tres artículos o por tres diversas terminaciones como por cosa bienaventurada, por cosa Buena»⁶.

Таким образом, к началу XVI в. сложилось следующее представление о прилагательных. Во-первых, прилагательные не имели самостоятельного статуса в качестве отдельной части речи, а выделялись в качестве разновидности имен. Тем не менее они имели статус основного подкласса наравне с именами существительными. Во-вторых, прилагательные имели собственный набор признаков. Основным являлся семантический, согласно которому при-

¹ Идея о том, что часть имен по-разному сочетается с указательными местоимениями и имеет различные окончания, уже присутствует в античных грамматиках, однако трактуется в ином свете (в рамках описания категории рода).

² Мы приводим цитату из работы Небрихи, поскольку текст ренессансных грамматик нам не был доступен. Однако мы ссылаемся на работу [Baldischwieler 2004], в которой высказывается идея о том, что Небриха в этом вопросе целиком опирался на эти грамматики.

³ Цит. по: Nebrija A. *Introducciones Latinas*. Madrid 1773 (1488), p. 62.

⁴ Ibid.

⁵ Тем не менее в грамматике испанского языка автор снова возвращается к прежней традиции деления и включает *differentiae* (вид) в состав акциденций (*calidad*) наравне с делением на собственные и нарицательные и релятивы. Отличается грамматика испанского языка Небрихи от его же латинской грамматики и тем, что в определении возвращается средневековое понятие о модусах обозначения. Ср.: «*estar por sí mismo*» и «*per se stantis*».

⁶ Цит. по: Nebrija A. *Introducciones Latinas*. Madrid 1773 (1488), p. 62.

лагательные обозначали качество / количество некоторой субстанции. Кроме того, они имели собственные морфологические признаки: способность сочетаться с указательными местоимениями всех трех родов, наличие трех видов конечных элементов, наличие степеней сравнения; а также синтаксические: приименная зависимая позиция.

2. ОПИСАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ГРАММАТИКЕ ДОМИНГО ДЕ САНТО ТОМАСА

Что касается грамматики Доминго де Санто Томаса, прилагательные в ней выделены в качестве основного подкласса имен наравне с существительными:

«...es de notar que en esta lengua general de los indios, como en las demás lenguas, el nombre tiene su diversa manera de significar, de tal manera que unos son substantivos y otros adjetivos...»¹.

В данном случае автор следует канону описания латинского языка², т. е. подкласс прилагательных представлен в качестве одного из главных в иерархии других классов имен (прилагательные воплощают собой акциденции, которые у автора названы *propiedades*)³. Кроме того, в языковых примерах прилагательные языка кечуа в тексте грамматики представляются автором в качестве самостоятельных элементов (подобно тому, как в ренессансных грамматиках представлялись прилагательные латинского языка), испанские же эквиваленты представлены со словом «cosa» («вещь»). Подтверждением того, что это не единичное, а закономерное явление, является тот факт, что в словаре миссионера большая часть прилагательных на испанском языке выступает в сочетании с данным опорным словом⁴:

«...alli, que quiere decir “cosa buena”, es adjetivo...»⁵.

Обращает автор внимание и на синтаксические особенности данного подкласса: зависимость и обязательное согласование с вершиной: следуя за традицией, автор отмечает приименную позицию прилагательных и обязательное согласование с существительным в числе и падеже.

¹ Цит. по: Santo Tomás, fr. D. de Grammatica o arte de la lengua general de los indios de los reynos del Perú por el Maestro Fray Domingo de Santo Thomás. Cuzco: C.E.R.A. Bartolomé de las Casas, 1995, p. 21.

² Как видно из определения, доминиканец использует средневековое понятие о *modus significandi* имени при описании именных классов.

³ В грамматиках языка науатль Молины и Ольмоса представлена схожая структура описания, при которой дается лишь список частей речи без представления основных дифференциальных признаков того или иного класса, а комментируются именно грамматические категории.

⁴ О тех примерах, где эквивалентные прилагательные на испанском языке представлены автором в качестве самостоятельных единиц (в грамматике и словаре) см. комментарии [Calvo 2014], который объясняет подобный факт экстралингвистическими причинами: поспешностью в подготовке автором работы и, как следствие, наличием многих неточностей, ошибок и некоторой несистемности.

⁵ Цит. по: Santo Tomás, fr. D. de Grammatica o arte de la lengua general de los indios de los reynos del Perú por el Maestro Fray Domingo de Santo Thomás. Cuzco: C.E.R.A. Bartolomé de las Casas, 1995, p. 21.

Однако обнаруживаются в работе автора и некоторые отклонения от существовавшей грамматической традиции. Так, опущен и не комментируется автором вопрос о морфологических и дистрибутивных признаках прилагательных (особая сочетаемость с детерминантами и большой набор конечных элементов). Вместе с тем констатируется отсутствие в согласовании с существительным по роду, что говорит о понимании Томасом того факта, что семантическая категория пола / рода просто не имеет морфологического выражения в кечуа на уровне грамматического согласования:

«Y de aquí es que en el adjetivar, el adjetivo con el substantivo en esta lengua general no se ha de guardar regla ninguna, porque decimos alli cari, que quiere decir 'buen hombre; y también decimos alli guarimi, que quiere decir 'buena muger'. De manera que aquel alli, que es el adjetivo, que quiere decir 'bueno', de la misma manera se dice juntándose con este nombre guarimi, que significa 'muger'; y así en esta lengua no tenemos que tratar ni dar regla alguna para conocer el genero del nombre ni para adjetivar substantivo y adjetivo»¹.

Наконец, отмечается им и однократное, а не многократное при каждом элементе именной синтагмы маркирование падежной категории, что также может свидетельствовать о понимании грамматистом разницы между семантико-синтаксической функцией такой категории и ее конкретным морфонологическим выражением:

«Es de notar que estas partículas o dictiones que hazen distincion de los casos, como está dicho, quando se ponen con adjetivo y substantivo juntos... no se repite el artículo o dición del tal caso con ambos términos sino solo una vez al cabo dellos: no decimos runapac allipac, sino una vez se pone el artículo pac, diciendo alli runapac...»²

В данном случае, как нам кажется, расхождение с традицией описания можно объяснить опорой автора на узус языка кечуа (отсутствие флективных элементов и артиклей) и стремление представить более объективное, а не «подтянутое» под канон описание языка.

Иными словами, при сравнительном анализе традиции грамматического описания прилагательных, сложившейся к моменту появления грамматики Санто Томаса, и описания языка кечуа, обнаруживаются, с одной стороны, ряд общих черт (опора на семантический и синтаксический критерии), с другой стороны, расхождения (отсутствие морфологических и дистрибутивных критериев), что может быть связано со стремлением автора следовать в большей степени системе описываемого языка, располагающего несколько иными морфологическими ресурсами, нежели языки, легшие в основу канона, а не следовать только лишь утвердившемуся канону грамматического описания.

¹ Цит. по: Santo Tomás, fr. D. de Gramática o arte de la lengua general de los indios de los reynos del Perú por el Maestro Fray Domingo de Santo Thomás. Cuzco: C.E.R.A. Bartolomé de las Casas, 1995, p. 28.

² Ibid.

3. ОПИСАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ САНТО ТОМАСА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ О ЯЗЫКЕ

В научной литературе по языковой типологии вопрос о выделении критериев разбиения значимых языковых единиц на классы и статус прилагательных как обособленного класса в языке кечуа является дискуссионным. В одних работах [Weber 1996], [Schachter & Shopen 2007], [Muysken & Lefebvre 1988] на основе морфосинтаксических критериев прилагательные рассматриваются в качестве подкласса более обширного класса (класса имен). В качестве доказательства отсутствия прилагательных как обособленного от существительных класса приводятся следующие доводы. Во-первых, существительные, как и прилагательные, могут выступать в качестве модификаторов именных синтагм. Во-вторых, прилагательные, как и существительные, могут выступать в качестве второго члена сложного предиката со связкой *kaq* «быть». В-третьих, прилагательные, как и существительные, могут употребляться с аффиксами вербализаторами (словообразовательный аффикс, с помощью которого образуются глаголы).

В другой группе работ [Dixon 2004], [Floyd 2011], [Baker 2003], [Adelaar 2004], [Cole 1982] на основе тех же морфосинтаксических и прагматических критериев прилагательные в кечуа рассматриваются как отдельный класс слов. В качестве доказательства приводятся следующие наблюдения. Во-первых, прилагательные в отличие от существительных не могут, не будучи ничем маркированными, занимать субъектную позицию при предикате. Во-вторых, прилагательные в самостоятельном употреблении рассматриваются в качестве членов эллиптированной синтагмы. В-третьих, прилагательные в отличие от существительных могут употребляться с квантификаторами, указывающими на степень проявления качества. В-четвертых, конструкции из атрибутивной лексемы и объектной AN, с одной стороны, и конструкции из двух объектных лексем NN, с другой, имеют различные синтаксические и семантические черты.

Наконец, в [Croft 2001], [Haspelmath 2012], [Kemmerer 2014] предлагается несколько иное решение проблемы деления слов на классы. В данных работах представлены выше два подхода (интеграционный и сегментарный) подвергаются критике. Исследователи предлагают отказаться от традиционного членения слов на классы на основе некоторого множества морфосинтаксических критериев, количество и значимость которых определить объективно не представляется возможным. В свою очередь они предлагают иное членение на классы на основе, с одной стороны, семантического, а с другой, комплексного (прагматического, морфологического и синтаксического) критерия. Так, они выделяют три прототипических семантических класса (или корней [Haspelmath 2014]): класс для объектов, для действий и для свойств. В качестве аргументов в пользу универсального характера данных категорий приводится следующий аргумент. Для представителей каждого класса характерен свой тип конструкции (выделяемый на основе трех базовых способов организации информации): референциальная, предикативная и модификацион-

ная, в которой данный элемент встречается в немаркированном виде. Для языков (как, например, салишские), где элементы всех трех классов могут употребляться во всех трех типах конструкций, постулируется принцип, согласно которому представители класса не могут встречаться в нехарактерных для них конструкциях в менее маркированном виде, чем те представители класса, для которых данные конструкции характерны.

В рамках такого подхода проблема дихотомии существительные – прилагательные в языках мира (в языка кечуа, в частности) представляется в ином свете: семантически и прототипически это два разных класса, которые есть в каждом языке, при этом допускаются случаи, когда элементы данных классов употребляются в одних и тех же конструкциях.

Что касается связи между теоретическим подходом к грамматическому описанию, примененному Санто Томасом, и современными представлениями об устройстве языка кечуа, следование традиции описания латинского языка, т. е. следование сложившемуся канону, с одной стороны, и собственные выработанные взгляды автора, вырастающие из непосредственного наблюдения над языковым узусом кечуа, с другой стороны, способствовали тому, что в некотором отношении данное описание сближается с современными представлениями об устройстве языка кечуа. Так, например, сформированное еще в античности (и присутствующее, как то было показано, в грамматике Санто Томаса) представление о том, что прилагательному свойственна приименная позиция и «определяющая» функция (определять субстанцию), схоже в некотором отношении с описанным подходом [Croft 2001].

Стоит отметить также, что особенность канона описания прилагательных в латинской грамматике (в которой главным критерием был семантический) повлияла на то, что автором не были замечены те нюансы поведения имен кечуа, которые вызвали дискуссии у современных исследователей (сочетания NN описываются автором в качестве составного имени):

«Tiene assí mismo esta lengua la quinta propiedad que es f gura: que unos nombres son simples y otros compuestos... Exemplo de lo segundo: rumi chaca, que signi f ca 'puente de piedra'»¹.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что в целом при описании прилагательных Санто Томас ориентируется на традицию грамматического описания, сложившуюся в европейской лингвистике к первой половине XVI в. Так, прилагательные рассматриваются им не как самостоятельный класс слов, а в качестве одного из основных элементов подкласса имен наравне с существительными, при этом прилагательные обладают особой семантикой и синтаксическим поведением. При выборе некоторых критериев описания грамматист-миссионер отходит от традиции: Санто Томас не принимает во внимание морфологический критерий (например, согласование по роду), поскольку не обнаруживает материальных выражений подобно-

¹ Цит. по: Santo Tomás, fr. D. de Gramática o arte de la lengua general de los indios de los reynos del Perú por el Maestro Fray Domingo de Santo Thomás. Cuzco: C.E.R.A. Bartolomé de las Casas, 1995, p. 24.

го явления в описываемом языке. Наконец, данное автором описание прилагательных представляется в отношении некоторых современных теорий новаторским, поскольку опора на семантический критерий как главный способствовало тому, что автором не был замечен факт пересечения двух классов слов в языке кечуа (способность как существительного, так и прилагательного выступать модификатором при объекте) и не было констатировано отсутствие прилагательных в языке как особого класса. Иными словами, сочетание достижений европейской лингвистики и ориентация на узус, как нам кажется, позволило автору представить достаточно адекватное описание класса прилагательных в языке кечуа XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

История лингвистических учений. Позднее Средневековье / Отв. ред. А.В. Десницкая. СПб., 1991. 265 с.

Робинс Р.Х. Краткая история языкознания. М., 2010. 352 с.

Сулимова Н.Г. История развития испанской грамматической мысли (XV–XIX вв.): Материалы к курсу лекций. М., 2005. 332 с.

Сулимова Н.Г. Теоретические вопросы грамматики в испанской лингвистике XVI–XVII веков (на материале первых описаний индейских языков): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983. 256 с.

Adelaar, W. & Muysken, P. 2004. *The Languages of the Andes*. Cambridge: Cambridge University Press.

Baker, M.C. 2003. *Lexical Categories: Verbs, Nouns, and Adjectives*, Cambridge University Press, Cambridge Studies in Linguistics.

Baldischwieler, T. 2004. Antonio de Nebrija, las introducciones latinas contrapuesto el romance al latin (1486) Düsseldorf, Univ., Diss., 2004 Nicht für den Austausch Thesis.

Calvo, P. J. y Urbano, H. 2013. *Lexicón o Vocabulario de la lengua general del Perú* (Compuesto por el Maestro Fray Domingo de Santo Tomás de la orden de Santo Domingo). Edición crítica. Lima: Univesidad San Martín de Porres, Fondo Editorial. Pp. 806.

Cole, P. 1982. *Imbabura Quechua*. (Lingua Descriptive Studies, 5.) Amsterdam: North-Holland.

Croft, W. 2001. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press.

Dionisio Tracio, *Techné Grammatiké*. *Ars Grammatica*. Gramática, Comentarior antiguos / Dionisio Tracio ; introd., notas y tr. por Vicente Bécares Botas. Edición trilingüe de Vicente Bécares Botas, Verbum, Zamora, 1993.

Dixon, R.M.W. & Alexandra Y. Aikhenvald (eds.). 2002. *Word: a cross-linguistic typology*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. xiii+290.

Dixon, R.M.W. 2011. (Adjective classes in typological perspective. *Adjective Classes: A Cross-Linguistic Typology*, ed. R. M. W. Dixon and Alexandra Aikhenvald, pp. 1–49. Oxford: Oxford University Press. Floyd, S. Re-discovering the Quechua adjective. *Linguistic Typology*.

Keil, H. 1855. Grammatici Latini, 8 vol.: vol. 2: Prisciani grammatici caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVIII ex recensione Martini Hertzii, vol. I libros I–XII continens, Leipzig.

Haspelmath, M. 2012. How to compare major word-classes across the world's languages. In T. Graf, D. Paperno, A. Szabolcsi, & J. Tellings (Eds.), *Theories of everything: In honor of Edward Keenan* (pp. 109–130). Los Angeles: UCLA (UCLA Working Papers in Linguistics, 17).

Kemmerer, D. 2014. *Word classes in the brain: Implications of linguistic typology for cognitive neuroscience* Elsevier.

Lefebvre, C. & Muysken, P. 1988. *Mixed Categories: Nominalizations in Quechua*. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory, 11).

Nebrija, A. 1773 (1488). *Introducciones Latinas*. Madrid.

Santo Tomás, fr. D. de Gramática o arte de la lengua general de los indios de los reynos del Perú por el Maestro Fray Domingo de Santo Tomás. Cuzco: C.E.R.A. Bartolomé de las Casas, 1995. Pp. 150.

Simone, R. & Masini, F. (eds.). 2014. *Word Classes: Nature, typology and representations*. John Benjamins. Pp. vii+293.

Timothy, S. (ed.), *Language typology and syntactic description*, vol. 1, 3–61. Cambridge: Cambridge University Press. (Revised, now co-authored by Schachter & Shopen in the second edition, 2007.)

Weber, D.J. 1996. *Una gramática del quechua del Huallaga (Huánuco)*. Serie Lingüística Peruana 40. Lima: Ministerio de Educación and Instituto Lingüístico de Verano, Pp. 641.

Сведения об авторе:

Кичигин Кирилл Валерьевич,
аспирант
кафедра иберо-романского языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Kirill V. Kichigin,
Post-graduate student
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Risk91@mail.ru